

А. К. Ширманов

САМАРА И ДЕКАБРИСТЫ

Восстание декабристов — русских дворянских революционеров, выступивших в декабре 1825 года с оружием в руках против крепостного права и самодержавия, потрясло всю Россию, разбудило умы, заставило передовых людей задуматься о путях исторического развития страны, о судьбах государства.

Декабристы были разгромлены, но дело их не прошло бесследно. Их лозунги в течение многих последующих лет еще продолжали служить революционной борьбе в России.

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавших в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров.

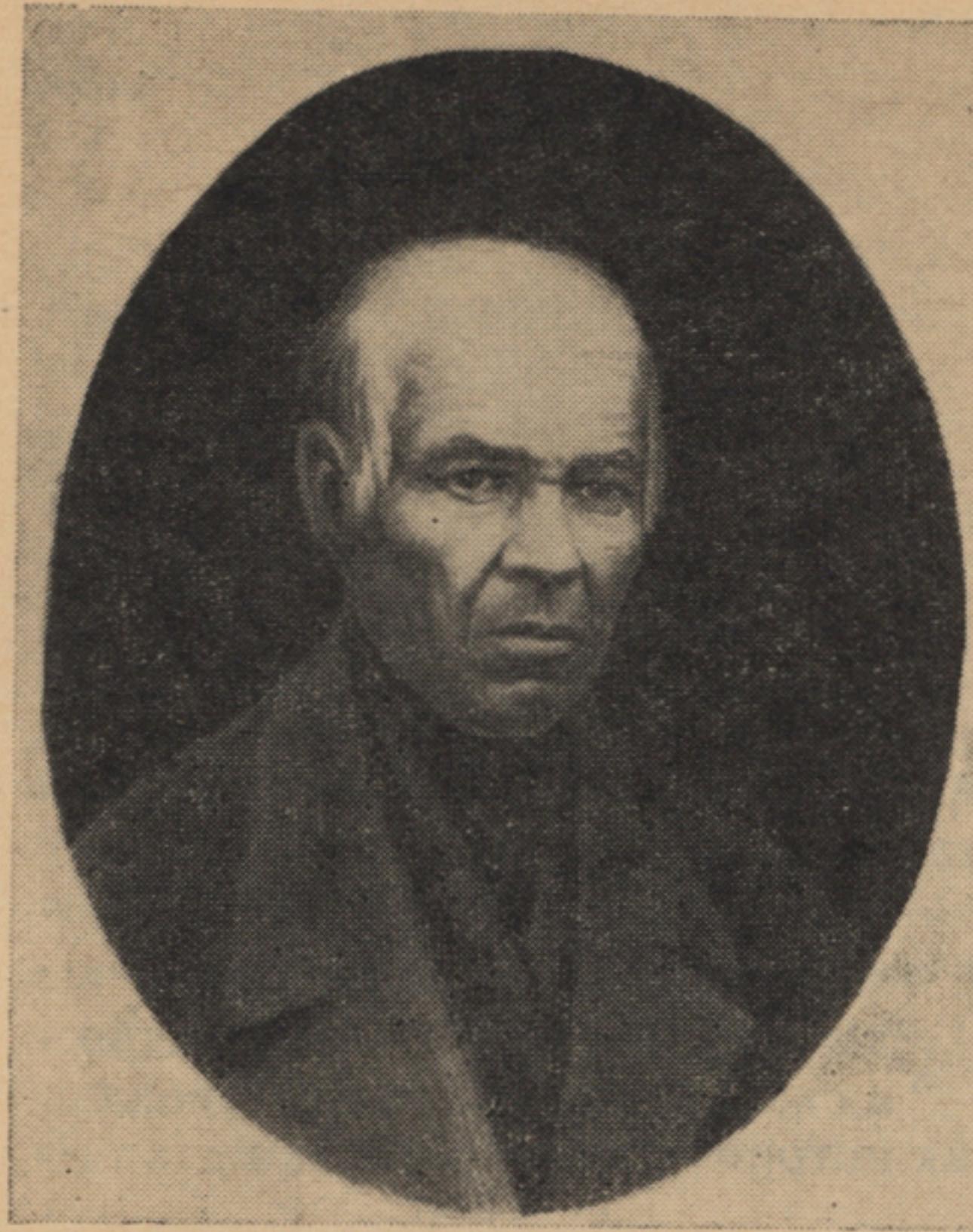
Страшно далеки они от народа. Но дело их не пропало. Декабристы разбудили Герцена...»¹.

В статье «Из прошлого рабочей печати в России» (1914) В. И. Ленин, указывая на три этапа развития русского революционного движения, периодизацию начинал с декабристов.

Декабристское движение вызвало отклики во всей Российской империи, в том числе в Самаре, тогда уездном городе Симбирской губернии. Среди уездных городов губернии Самара в 20-х годах прошлого века не была бедна образованными, прогрессивно мыслящими людьми. В 30-х годах прошлого века историк И. Пушкирев писал о Самаре: «Этот город еще недавно славился прекрасным обществом, которое с того времени, как Илецкое соляное правление переведено отсюда в Илецкую защиту (Оренбургской губернии), мало-помалу начало рассеиваться»². Действительно, до конца 1828 года в Самаре, в связи с местопребыванием в ней Илецкого соляного правления, проживало немало культурных, образованных людей — горных специалистов и дру-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18, с. 14.

² И. Пушкирев. Историко-географическое описание городов Симбирской губернии. СПб, 1837.

Иван Алексеевич Второв.

вписывался в дворянскую книгу до 1851 года, когда ему пришлось это сделать в связи с зачислением в нее сына. И, наконец, Христ принадлежал к кругу близких друзей и единомышленников И. А. Второва — чиновника Илецкого соляного правления, выделявшегося своим вольнодумством.

Иван Алексеевич Второв имел громадную по тому времени библиотеку печатных и рукописных книг. Круг его знакомых был широк и разнообразен. Сам литератор, он был лично знаком с целым рядом выдающихся писателей — Карамзиным, Дмитриевым, Аксаковым, Дельвигом и даже с А. С. Пушкиным, а также и с некоторыми декабристами (П. Бестужевым, Рылеевым, Пановым). Политические взгляды Второва нашли отражение в дневнике, который он вел почти полвека. Встречаем мы там, например, такие высказывания: «В монархических правлениях надобно быть бесстыдным, дерзким, подлым, искательным. Приобретя неправдой богатство, можно купить на него имя и почтение от других»¹. И далее там же: «Третьего дня, возвратясь из Петербурга, Андрей Гаврилович Жданов рассказывал о грабительстве и несправедливости министров и подминистров... Боже мой! К чему все это идет? Никакого внимания не обращают на гражданскую часть.

Неужели всей империи надобно только стоять во фрунте с ружьем и маршировать?

гих чиновников этого управления, составляющих цвет самарского общества. Были также культурные, либерально мыслящие люди среди отставных офицеров, испытавших все тяготы войны 1812 года. Таким был и сам начальник соляного правления Г. Н. Струков.

Естественно, декабристские идеи не могли не найти в Самаре благоприятной почвы.

После подавления восстания, когда начались репрессии и расследования связей декабристов, царские ищёйки появились и в Самаре. Был арестован отставной полковник Иван Иванович Христ, вытребован в Петербург для объяснения и затем отпущен, вероятно, за недостатком улик.

Трудно сказать теперь, в какой степени Христ был причастен к делу декабристов, но известно, что он, будучи дворянином, упорно не

1 ЦГАЛИ, ф. 93, оп. 1, ед. хр. 17, запись от 23/X 1819 г.

Кровью обливается сердце, видя ужасный разврат и несправедливость гражданского управления.

Кто же управляет? Невежи, грабители, эгоисты.

На что ни посмотришь, все выдумывают только, как бы отнять у бедных крестьян продукты трудов их.

В каком состоянии теперь выборы? Кто судит и рябит? Ежели есть еще у кого-нибудь и сколько-нибудь патриотизма, — с какой горестью должен тот видеть, страдать и терпеть. Достоинство только в богатстве и умение маршировать!»¹.

Хотя И. В. Второв и не был декабристом, но, безусловно, многие его взгляды сложились под их влиянием. В 1826 году, когда шло следствие по делу декабристов, сестра Второва Александра Алексеевна в тревоге за его судьбу писала ему: «Истребите, ради бога, дурацкий архив свой...»²

В это время в его «дурацком» архиве были следующие рукописи (списки): «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Стихотворение на смерть Павла», «Некоторые мнения адмирала Мордвинова», «Запретное послание Словцова к Сперанскому из Сибири», «Сатира», «Рождество Христово» и др. Только за одно хранение этой запрещенной цензурой литературы он подвергал себя угрозе тюремного заключения или ссылки в Сибирь.

Не случайно во время арестов и репрессий в Симбирске распространился слух о самоубийстве Второва, которого, по-видимому, считали причастным к делу декабристов.

К числу друзей и единомышленников Второва принадлежал Федор Иванович Герман, отставной полковник, ученый специалист. Он работал сначала при оренбургском генерал-губернаторе князе Г. С. Волконском³, а затем сотрудником в Илецком соляном правлении. Во время своей службы при Волконском он часто и подолгу приезжал в Самару, а сотрудничая в соляном правлении, даже жил в ней некоторое время.

У Германа было много точек соприкосновения с декабристами как в Оренбурге, так и в Вольном обществе любителей российской словесности, членом-корреспондентом которого он состоял с 1817 года и в котором, как известно, было много писателей-декабристов.

Герман был человеком всесторонне образованным, прогрессивных взглядов. Он участвовал в нескольких научных экспедициях, написал этнографические очерки о башкирах и киргиз-кайсаках, об экспедиции в Хиву.

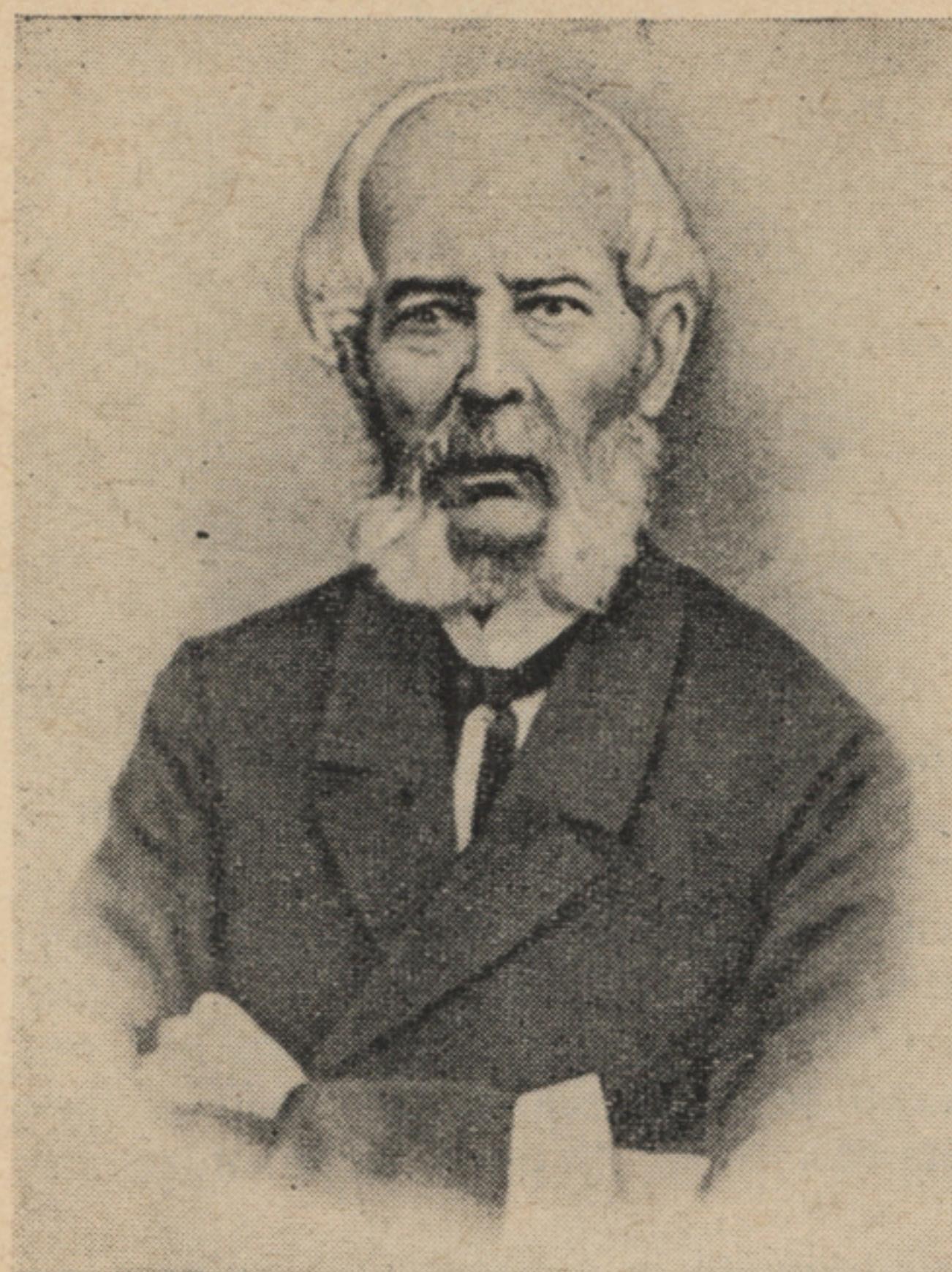
В своем дневнике Второв записал: «Два раза заезжал ко мне Герман. Я провел приятно с ним время. Удивлялся его талантам и пылкой дерзости»⁴. Под «пылкой дерзостью» Второв, безусловно, подразумевал далеко идущее свободомыслие.

¹ ЦГАЛИ, ф. 93, оп. 1, ед. хр. 17, запись от 5/X 1820 г.

² «Русский вестник». Т. 118, с. 579.

³ Отец декабриста С. Г. Волконского.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 93, оп. 1, ед. хр. 17, запись от 1/III 1829 г.

Михаил Александрович Назимов.

пионерского эскадрона, за участие в восстании был лишен чинов и сослан на поселение. Позднее он был переведен на Кавказ рядовым Кабардинского полка, а затем уволен со службы поручиком. Его сестра Анна Александровна жила в Самаре и была замужем за управляющим удельной палатой Николаем Александровичем Набоковым, подполковником в отставке. Декабристы Беляевы, проживавшие после ссылки некоторое время в Самаре, поддерживали с этой семьей связь,

Андрей Федорович Фурман, капитан Черниговского пехотного полка, член Южного общества, приговоренный к вечному поселению в Сибири, был братом проживавшего в Самаре чиновника Илецкого соляного правления Александра Федоровича Фурмана — друга Второва.

Евдоким Емельянович Лачинов, поручик квартирмейстерской части, из воронежских дворян, член Южного общества, был осужден военным судом при 2-й армии в Тирасполе, лишен прав и зачислен в рядовые; уволен со службы в чине прaporщика; впоследствии был директором Харьковской акционерной компании. Умер в 1875 году в Москве. Он был братом Николая Емельяновича Лачинова, полковника, женатого на дочери самарского помещика и камергера Петра Ивановича Шелашникова — Екатерине Петровне.

Александр Петрович и Петр Петрович Беляевы, декабристы, мич-

Некоторые декабристы имели связь с Самарой, так как были выходцами оттуда или имели в ней близких родственников (сестер, братьев), или же сами проживали в этом городе некоторое время после ссылки.

Из декабристов — выходцев из Самары нужно упомянуть Антона Аполлоновича Жемчужникова, поручика квартирмейстерской части, сына проживавшего в Самаре генерал-лейтенанта Аполлона Михайловича Жемчужникова. Сестра декабриста Анна Аполлоновна жила в Самаре еще в конце 60-х годов прошлого века¹.

Из декабристов, связанных с Самарой родственными узами и, безусловно, посещавших ее, можно назвать М. А. Назимова, А. Ф. Фурмана, Е. Е. Лачинова, А. П. и П. П. Беляевых.

Михаил Александрович Назимов, штабс-капитан лейб-гвардии

пионерского эскадрона, за участие в восстании был лишен чинов и сослан на поселение. Позднее он был переведен на Кавказ рядовым Кабардинского полка, а затем уволен со службы поручиком. Его сестра Анна Александровна жила в Самаре и была замужем за управляющим удельной палатой Николаем Александровичем Набоковым, подполковником в отставке. Декабристы Беляевы, проживавшие после ссылки некоторое время в Самаре, поддерживали с этой семьей связь,

Андрей Федорович Фурман, капитан Черниговского пехотного полка, член Южного общества, приговоренный к вечному поселению в Сибири, был братом проживавшего в Самаре чиновника Илецкого соляного правления Александра Федоровича Фурмана — друга Второва.

Евдоким Емельянович Лачинов, поручик квартирмейстерской части, из воронежских дворян, член Южного общества, был осужден военным судом при 2-й армии в Тирасполе, лишен прав и зачислен в рядовые; уволен со службы в чине прaporщика; впоследствии был директором Харьковской акционерной компании. Умер в 1875 году в Москве. Он был братом Николая Емельяновича Лачинова, полковника, женатого на дочери самарского помещика и камергера Петра Ивановича Шелашникова — Екатерине Петровне.

Александр Петрович и Петр Петрович Беляевы, декабристы, мич-

¹ Их дом, стоявший на углу улиц Водников и Крупской, в квартале № 5, не сохранился.

маны гвардейского экипажа, сыновья небогатого офицера, за участие в восстании на Сенатской площади были осуждены на 15 лет каторжных работ и вечное поселение.

Каторжные работы братья отбывали в Чите и на Петровском заводе. В 1840 году они были переведены на Кавказ, а в 1845 году уволены в отставку. В 1846 году братья Беляевы приехали в Самару и несколько лет прожили здесь у своей сестры — учительницы музыки и пения Елизаветы Петровны. Она была одной из тех русских женщин, просившихся в Сибирь, чтобы разделить участь своих близких, которым было в этом отказано¹.

В последние годы своей жизни Петр Петрович состоял агентом пароходного общества «Кавказ и Меркурий» в Саратове и, безусловно, неоднократно посещал Самару. Дом, в котором жили в Самаре братья Беляевы, находился на Дубровной улице (теперь Рабочая), недалеко от сада купца Синягина (ныне этот сад составляет северную часть городского парка)².

В своих воспоминаниях о Самаре А. П. Беляев с гневом и возмущением пишет о грабительстве и вопиющих злоупотреблениях купцов-пшеничников: «Тут, как всегда и, к несчастью, везде на Руси, были бесчисленные злоупотребления приказчиков богатых фирм, в вопиющих размерах обмеривавших бедных тружеников, привозивших на продажу пшеницу». И далее: «...Это был целый заговор против бедняков, кровавым потом добывавших себе хлеб и обогативших колоссальными капиталами своих притеснителей».

Говоря о самарском обществе, он отмечает: «Что касается общества или так называемой интеллигенции, то я должен сказать, что Самара того времени могла гордиться им, так много было в нем прекрасного»³.

Нужно заметить, что пребывание в Самаре братьев Беляевых совпало по времени с проживанием вблизи города декабриста члена Общества соединенных славян Алексея Васильевича Веденяпина с семьей. После отбытия ссылки он работал по найму в качестве управляющего имениями в 1835—1837 годах в Пензенской губернии (в имениях Закревского и Нарышкина), а в 1842—1847 годах — в имении бывшего министра юстиции Д. Дашкова в селе Большая Царевщина (ныне пос. Волжский) Самарского уезда Симбирской губернии, где он 13 марта 1847 года скончался.

Подробных сведений о его пребывании вблизи Самары и причине его приезда сюда не имеется. Его биограф по этому поводу лишь отмечает следующее: «...можно, однако, догадываться относительно того, что не от хорошей жизни он буквально метался из одной губернии в другую, из одного помещичьего имения в другое, тщетно пытаясь найти покой от полицейского надзора...»⁴.

¹ Записки ...декабриста И. Д. Якушкина. М., АН СССР, 1951, с. 599.

² Дом до настоящего времени не сохранился.

³ А. П. Беляев. Воспоминания декабриста... — «Русская старина», с. 76—78.

⁴ С. Конкин. Декабристы братья Веденяпины. Саранск, 1968, с. 282.

Александр Петрович Беляев.

К этой же группе революционеров можно отнести и проживавшего в 50-х годах в Самаре отставного штабс-капитана Максима Степановича Шимановского, привлекавшегося в 1827 году по делу Оренбургского тайного общества. Характерно, что, и живя в Самаре, он продолжал борьбу с пороками современного ему общества, посыпая в столичные газеты обличительные статьи о злоупотреблениях городской администрации.

Силу влияния декабристских идей можно видеть на примере Екатерины Петровны Лачиновой. Воспитанница привилегированной среды, она всегда стояла в стороне от политических и общественных дел. Но выехав с мужем на Кавказ, куда он был переведен на службу, она попала в окружение декабристов. Через некоторое время она выпустила под псев-

донимом Е. Хамар-Дабанова книгу¹, написанную в форме романа, в котором были раскрыты закулисные стороны Кавказской войны. Цензор А. В. Никитенко 23 июня 1844 года в своем дневнике записал: «Военный министр прочел книгу и ужаснулся. Он указал на нее Дубельту и сказал: «Книга эта тем вреднее, что в ней, что строчка, то правда»².

В этой книге в неприглядном свете были представлены прозрачно замаскированные вымышленными именами лица, занимавшие на Кавказе высокие посты. Это и вызвало неудовольствие военного министра графа А. И. Чернышева и последовавшее за этим запрещение книги. Кроме того, в романе под вымышленными именами были выведены некоторые декабристы (Е. Е. Лачинов — брат мужа и А. Бестужев-Марлинский), а в то время писать что-либо о декабристах, даже в форме романа, строго запрещалось³.

Идеи декабристов различными путями проникали в Самару и, так или иначе, оказывали революционизирующее влияние на ее передовое общество, сеяли в нем ненависть к деспотизму и крепостничеству.

Анализируя дневник И. А. Второва, в котором отражена жизнь самарской интеллигенции первой четверти XIX века, мы узнаем, что в просвещенных, передовых кругах Самары уже обсуждалось положение

¹ Е. Хамар-Дабанова. Проделки на Кавказе. СПб, 1844.

² Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России. М., 1962, с. 41.

³ Б. Смирено. Перо и маска. М., 1967, с. 97—99.

в государстве, передовые люди задумывались над судьбами России, обсуждали вопрос о лучших формах государственного устройства.

Их духовный мир стал шире и богаче. В кругах чиновной интеллигенции проводились коллективные чтения нелегальной литературы. Так, например, 28 декабря 1825 года на обеде у Струкова, в кругу чиновников соляного правления, проводилось коллективное чтение не прошедшей цензуру комедии Грибоедова «Горе от ума».

Так как уже выяснено¹, что часть распространявшейся в Симбирске обширной рукописной литературы попала туда через Второва, то, безусловно, она же, даже в большем количестве, распространялась и среди близких к Второву людей.

В самом деле, трудно допустить, чтобы обширный круг его самарских друзей не был знаком с хранившейся у него запрещенной литературой—стихами К. Ф. Рылеева, вольнолюбивыми стихами А. С. Пушкина, с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и др.

Идеи декабристов были горячо восприняты частью самарской разночинной интеллигенции, ставшей продолжателем революционной борьбы.

В герценовском «Колоколе» мы уже встречаем корреспонденции из Самары, а это говорит о существовании в ней уже в 50—60-х годах прошлого века тайных корреспондентов этого революционного печатного органа.

В заключение нашего краткого очерка о Самаре и декабристах необходимо отметить, что никаких материальных памятников, связанных с пребыванием в Самаре декабристов, не сохранилось².

¹ П. С. Бейсов. Гончаров и родной край, с. 16.

² За исключением площадки возле церкви в пос. Волжском, где был похоронен декабрист Алексей Васильевич Веденяпин.